

© А.В. Головнёв, С.Ю. Белоруссова

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ЭТНОИСТОРИИ: АЛЕКСЕЙ МАМЕТЬЕВ И НАРОДОСТРОИТЕЛЬСТВО НАГАЙБАКОВ

Ключевые слова: этноистория, нагайбаки, Урал, этничность, идентичность, лидерство, динамика

Южноуральский народ нагайбаки имеет относительно короткую (около трех столетий) этноисторию и впечатляющие успехи народостроительства в наши дни. В какой мере нагайбаки, в разное время числившиеся новокрещенами, казаками, татарами, опираются на давние традиции, реагируют на политические импульсы, следуют идеям своего лидера — серия вопросов, исследуемых авторами в ходе полевых изысканий. Неопубликованные мемуары Маметьева, свидетельства его родных и близких, сподвижников и соперников позволяют проследить мотивы и обстоятельства, превратившие офицера и партработника в этнического лидера нагайбаков. Эти наблюдения открывают ключевую персональную роль лидера в судьбе его народа, особенно заметную в решающий эпизод этноистории, когда нагайбаки приобрели статус коренного малочисленного народа России.

DOI: 10.31857/S086954150001478-5

Конструктивистский подход хорош не умалением этничности (напротив, он актуализирует ее до уровня персональной мотивации и жизненно важной практики), а вниманием к конкретным опытам и технологиям этностроительства. По мере исследовательского “укрупнения плана” в любой успешной этноистории неизменно обнаруживается яркий фигурант. Практика и мифология народо/нациестроительства полна примеров миссии “народоначальников” как во времена оны (Моисей, Кир, Ромул, хан Узбек, Генрих Португальский и др.), так и в недавнем прошлом (лидеры деколонизации 1930–1960-х годов: Ганди, Неру, Сукарно, Нкрума, Мухаммед V, У Ну, Джинна, Бен Белла, Кейта, Азикови, Насер, Бандаранаике, Кениата,

Андрей Владимирович Головнёв | <http://orcid.org/0000-0002-5716-655X> | golovnev@kunstkamera.ru | д.и.н., профессор, чл.-корр. РАН, директор | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Светлана Юрьевна Белоруссова | <http://orcid.org/0000-0002-2069-3452> | svetlana-90@yandex.ru | к.и.н., научный сотрудник | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 18-78-10077]

Ньерере, Бургиба, Ли, Секу Туре, Кастро) (см.: *Geertz* 1973: 235). Выступая в амплу военных или религиозных вождей, пророков или просветителей, они оказывались архитекторами своих народов.

Оценки этнического лидерства колеблются в диапазоне между полюсами “интересы народа” и “интересы карьеры”. В действительности между ними не столь уж непроходимая пропасть, поскольку этничность синтезирует социальность и индивидуальность — персональная самореализация нередко сопровождается этносоциализацией. В большинстве случаев лидер изначально не видит четкой цели возрождения или создания народа. По ходу событий “цель” претерпевает каскад преобразований и переориентаций. Для отслеживания персональной траектории удобен заимствованный из кинематографа прием крупного плана, позволяющий различать персональные и социальные мотивы действий (*Головнёв* 2010; *Головнёв* и др.: 2016).

Представляемый ниже опыт народостроительства нагайбаков, чья этноистория относительно коротка (около трех столетий) и хорошо обозрима по историческим и этнографическим источникам, показывает “турбулентную этничность”, чередующую фазы скрытости (латентности) и открытости (активности), а также ключевую роль лидера в решающий эпизод этноистории.

Биография этничности

Рождение нагайбаков связано с колониационной политикой Российской империи 1730–1740-х годов, когда в степном поясе Урала шло строительство Оренбургской оборонительной линии и одновременно, в 1735–1741 гг., происходило подавление мятежа башкир. Механизм “острожной колонизации” предполагал укрепление достигнутых рубежей и формирование “живой границы” в лице казаков. Одной из военных баз на Большой Московской дороге стала основанная в 1736 г. Нагайбакская крепость, в которую собирали окрестных инородцев разного происхождения и после (при условии) крещения наделяли казачьим статусом. Во второй половине XVIII в. этот прифронтовой “плавильный котел” перерабатывал в казаков-новокрещен пленных и пришлых воинов из числа татар, ногаев, башкир, черемисов, арабов, турок, персов, прибывавших на поселение и верставшихся на пограничную службу.

К “конструированию” нагайбаков первоначально имели отношение архитекторы пограничной политики России — И.К. Кирилов, А.И. Тевкелев, В.А. Урусов, В.Н. Татишев, а в известной мере и казахский хан Младшего жуза Абулхайр, ведший диалог с империей в поисках опоры для борьбы с джунгарами. Нагайбаки сложились на перекрестке путей и изначально представляли собой мозаику культур. Они впитали различные этнические и религиозные традиции: элементы татарской, русской, марийской, чувашской и других культур, христианской, мусульманской и языческой религий. При исходной полиэтничности они сложились в относительно монолитное сообщество благодаря социальной (казачьей), религиозной (православной) и языковой (тюркской) самобытности и обособленности от соседних групп. Такое кастовообразное сообщество могло сформироваться только на пограничье с его особым напряжением, разнообразием и военно-пограничным режимом. Импульсом для его единения на первых порах послужило противостояние с мятежными башкирами, сплотившее казаков-новокрещен Нагайбакской крепости в боевое братство.

Заметный сдвиг в этничности нагайбаков произошел век спустя, в 1842–1843 гг., когда оренбургское начальство распорядилось переселить казаков Нагайбакской крепости на Новую линию для обороны от кочевых киргиз-кайсаков. Хотя подобная передислокация боевой части была нормой пограничной жизни, для казаков-переселенцев, успевших устроиться на башкирских землях и обзавестись родней и сосе-

дями, она оказалась болезненной (что передалось в песнях, пословицах и сказаниях нагайбаков).

Впрочем, трудности переживания “служебной миграции”, а также обустройства на новом месте дополнительно сплотили переселенцев. Не случайно именно на Новой линии они стали именовать и осознавать себя нагайбаками, по названию пункта исхода – Нагайбакской крепости. Правда, по воле командования они разделились на три группы – южную (оренбургскую), северную (чебаркульскую) и центральную (собственно нагайбакскую), не считая тех, кто остался на “старых землях” в Белебеевском уезде. На новой территории нагайбаки построили поселки-станции, получили за службу земельные наделы. Находясь в окружении русских и казахов, они сохраняли определенную замкнутость (сродни кастовой), предпочитая опору на родственно-соседские узы и браки в своей среде (эндогамию). Закрытости нагайбаков способствовала их отчужденность от соседей по одному или нескольким признакам складывающейся “нагайбакской триады” – казачьему статусу, религии и языку (Атнагулов 2015; Белоруссова 2015). При этом язык нагайбаков (относимый лингвистами к среднему диалекту татарского языка) играл этнодифференцирующую роль в отношении соседей на Новой линии – русских и казахов.

С 1870-х до 1910-х годов этничность нагайбаков подогревалась соперничеством за их умы и души между православными и мусульманскими миссионерами. Те и другие убеждали нагайбаков в особости: православные миссионеры настаивали на отличии от татар (родственных по языку), а мусульманские – на отличии от русских (родственных по религии). Эти внешние воздействия по-разному сказались на облике трех групп: южная сменила религиозную и этническую идентичность – сегодня потомки оренбургских и орских нагайбаков считают себя татарами-мусульманами; центральная и северная группы в разной мере сохранили конфессиональную принадлежность к православию. К началу XX в. нагайбаки центральной группы признавали себя самобытным сообществом со своими традициями, ритуалами, религией, фольклором, легендами о происхождении, преданиями о ратных казачьих подвигах.

В 1930-е годы на долю нагайбаков выпал очередной зигзаг этничности: они были причислены к татарам и перестали считаться отдельным народом (в переписи 1939 г. их нет). Все три опоры их этничности оказались в немилости у советской власти: на место православия пришел атеизм, казачий статус обернулся расказачиванием, нагайбакский говор был официально замещен (например, в школьном образовании) татарским языком. В советское время быть нагайбаком было неудобно, нестатусно и просто невозможно (по формальным основаниям). Вдобавок вместо популярного в прошлом образа отважного казака-нагайбака в информационный оборот была запущена уничижительная версия о крещении нагайбаков “в вонючем болоте” (в стиле хлесткой антирелигиозной риторики): “После взятия Казани Иван Грозный нагайками загнал часть татар в вонючее болото и насильно окрестил в православную веру; так и появились нагайбаки”. В этих условиях неудобная этничность “ушла в подполье” и приобрела латентный характер: часть нагайбаков приняла татарскую идентичность, часть – русскую, часть – нейтральную советскую. В течение двух поколений (в 1940–1980-х годах) этничность нагайбаков пребывала в состоянии интровертности (в этнографии понятие К. Юнга применимо в качестве метафоры).

Реванш нагайбаков пришелся на постсоветский период, когда обозначились общие векторы религиозного (православного), сословного (казачьего) и этноязыкового возрождения. Нагайбаки быстро превратились в этнических экстравертов, стремящихся широко демонстрировать свои традиции и заявлять о своей самобытности. Их этническому движению сопутствовал ошеломительный успех: в 1990-е годы они добились статуса “коренного малочисленного народа Российской Федерации”.

До сих пор остается загадкой, за счет каких ресурсов сообщество, почти утратившее свою идентичность, вдруг мобилизовалось и добилось впечатляющих успехов в этностроительстве. Несомненно лишь то, что значимую роль в этой мобилизации сыграл яркий этнолидер – А.М. Маметьев. При этом “отцом народа” он стал на склоне лет по выходе на пенсию: “этническая весна” его народа совпала с его собственной жизненной “осенью”.

“Уход и возвращение”

Алексей Михайлович Маметьев (15.10.1923–9.08.2005) родился в с. Фершампенуаз Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. Он рос старшим сыном в нагайбакской семье, где помимо него было еще четверо детей. В оставленных Маметьевым рукописных мемуарах читаются наполняющие его детство и проходящие через всю жизнь крепкие чувства родства, выражающиеся в рассказах о предках, составлении родословной, описании родни. Маметьев рос в широком родственном кругу; по его словам, “до 1929 года в доме прадеда за стол садилась семья, состоящая из четырех поколений: прадеда, деда, и мы, сыновья, внуки и правнуки” (Маметьев 1998: 8). Аура родства сопровождала его до конца дней и мотивировала на принятие важных решений.

Ребенком он пережил кампании расказачивания, раскулачивания и прочих репрессий, затронувшие в 1920–1930-е годы нагайбаков. Позднее в мемуарах он вспоминал страх ночных арестов, от которых пострадало немало соседей и родственников: “В 1937–1938 гг. на голову многих семей поселков Нагайбакского района обрушилось страшное горе. Органами УН КВД по Челябинской области начались ничем не обоснованные ночные аресты мужского населения” (Маметьев 1998: 9). По времени с репрессиями совпала и “ликвидация” нагайбаков как народа (удаление их из реестра народов к переписи 1939 г.).

Начавшаяся война радикально изменила судьбу Маметьева: “Еще только вчера я был семнадцатилетним парнем, мечтавшим о красивой и счастливой жизни, но, увы, все изменилось в один миг”. Весть о войне пришла на празднование нагайбаками (которые в то время назывались татарами) Сабантуя 22 июня 1941 г.: “Успешно завершив весенне-полевые работы, жители сел и поселков района собрались в районный центр село Фершампенуаз отпраздновать традиционный праздник Сабантуй... В глубокой тишине прослушав сообщение первого секретаря, участники праздника в спешном порядке разъехались по домам” (Маметьев 1998: 10–11).

Вскоре на фронт ушел отец – Михаил Маметьев, оставив Алексея старшим мужчиной в семье. На наставление отца “Алеша, сынок мой, ты уже взрослый парень и хорошо все понимаешь. Будь добрым и надежным помощником матери” он ответил: “Что касается твоей просьбы, то можешь не сомневаться, она будет выполнена самым добросовестным образом”. Впрочем, для потомственного казака задержка в тылу продлилась лишь до совершеннолетия, и в мемуарах Маметьева поступление на воинскую службу не обсуждается, а вписывается в рамки исконной традиции: “...выполняя свой священный долг, наши предки уходили на войну”. На уговоры матери отсрочить уход Алексей ответил: “Прошу тебя благословить мое решение и просить господ Бога помиловать отца и меня от беды. Давно известно – судьбу ни обойти, ни объехать. Каждый человек должен нести свой крест” (Маметьев 1998: 12–13).

В январе 1942 г. восемнадцатилетний Маметьев был определен в Свердловское военное училище на радиокурсы, после которых был направлен радистом в 12-ю мотострелковую бригаду Брянского фронта. Маметьев обратил на себя внимание ко-

мандования: "...активный комсомолец, отличается сообразительностью, скромный и немногословный" (Маметьев 1998: 20). Он был признан годным к специальным заданиям и рекомендован на курсы шифровальщиков, при этом особую роль в конкурсе сыграла его аккуратность:

Когда отбирали кандидатов на учебу в училище шифровальщиков, не могли выбрать между Маметьевым и еще одним солдатом — все показатели у них были похожие. Тогда командир попросил их положить руки на стол и через несколько секунд сказал: "Остается Маметьев". Оказалось, у него ногти были чистыми, а у другого кандидата была небольшая грязь (ПМА 2014).

Войну Маметьев прошел штабным офицером (благодаря чему остался невредим) и накануне победы, весной 1945 г., состоял в 8-м отделе штаба 15-й воздушной армии, дислоцированной в Литве. 8 мая 1945 г., находясь на боевом дежурстве, он принял очередную шифровку с грифом "особо важная" и текстом: "Фашистская Германия разгромлена, советские Вооруженные Силы совместно с войсками союзников по антигитлеровскому блоку одержали победу" (Маметьев 1998: 37). По окончании войны ему было 23 года, но военная карьера не прельщала молодого офицера:

После долгих раздумий и консультаций со старшими [я] обратился к своему непосредственному полковнику с просьбой о ходатайстве перед вышестоящими инстанциями о моем увольнении. Получил отказ с мотивировкой о том, что армии нужны квалифицированные кадры. Не согласившись с полученным ответом, нарушив уставные требования, обратился с рапортом к начальнику 8 управления Генерального штаба. Ответ пришел не мне, а начальнику штаба армии, который гласил: "Ввиду некомплекта офицеров спецсвязи лейтенанту Маметьеву Алексею Михайловичу в просьбе отказать. За неуставное обращение прошу наказать своей властью" (Маметьев 1998: 45).

Маметьев вынужденно продолжил службу. В 1950 г. его перевели в немецкий г. Вердер, где он провел еще семь лет. Выполняя служебные обязанности с присущей ему добросовестностью, он все же тяготился чужбиной: "Хороша страна Германия, но Россия лучше всех. Казалось бы, материально обеспечены, жилье нормальное, окружают комфорт и красота. Казалось бы, живи и служи. А, нет. Порой тоска по родине гложет душу" (Маметьев 1992: 46–47). В какой-то мере он компенсировал ностальгию подарками, которые, по воспоминаниям сына Валерия, неизменно привозил из-за границы родным:

Когда мы собирались в отпуск из Германии на родину в Фершампенуаз, он всем покупал подарки. У него были все записаны: и сватья, и братья, соседи, каждая бабушка. Мама говорила, на те деньги, которые он тратил, можно было купить машину, новую мебель, это было целое состояние. Но для него главной была родня, она его ждала. Нас обычно Григорий Михайлович [брат Алексея Маметьева] встречал на станции Гумбейка. Там уже люди выстраивались в очередь, а папа открывал чемодан и раздавал подарки. Для него это было так важно (ПМА 2015).

Судя по этим деталям, заграничная служба не изменила привязанностей Маметьева, и дом в Фершампенуазе остался для него далекой, но неизбежной мечтой. Он учился терпеть и ждать, а также вынашивать планы и определять подходящий момент для их реализации. Сочетание дум о доме и впечатлений от Европы дало ту смесь размышлений и эмоций, которая позднее выразилась в его необычных для уральского села проектах. Например, в ходе поездок по Европе у него зародилась идея создания сельского музея.

Время от времени возвращался к одной интересной мысли, зародившейся много лет тому назад. А все началось с того дня, когда впервые посетил музей-усадьбу Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне в 1943 году (*Маметьев* 1998: 100).

Мне удалось побывать в музеях Берлина, Лейпцига, Дрездена, Москвы, Ленинграда, Челябинска, Свердловска, Перми, Нижнего Тагила, Златоуста. От всего увиденного у меня зародилась идея создания музея в Фершампенуазе (*Маметьев* 1992: 54).

В 1957 г. представилась возможность вернуться на родину, и Маметьев немедленно ею воспользовался: "...в связи с истечением срока пребывания советских войск в Германии" ему предложили остаться за границей или выбрать другое место службы в СССР. Маметьев "выразил желание продолжать дальнейшую службу в составе Уральского Краснознаменного военного округа в должности начальника 6 отделения штаба 77 отдельной зенитно-артиллерийской дивизии, дислоцирующейся в городе Магнитогорске" (*Маметьев* 1998: 75–76) (от Магнитогорска до Фершампенуаза 70 км).

В мемуарах Маметьева возвращение домой сопровождается описанием городов следования – Франкфурта-на-Одере, Бреста, Москвы, Самары, Уфы, Златоуста. В нем вольно или невольно передается масштаб пространства и времени, отделявший его от заветной мечты. Примечательно, что приближение к Уралу вызывает у него особые эмоции с выразительным оттенком этничности:

Я горжусь тобой, отец Урал, и до конца своих дней буду благодарен за то, что ты еще в 1842 году принял моих предков и приласкал их как родных сыновей в бескрайних ковыльных степях Зауралья (*Маметьев* 1998: 80).

В соотношении двух привязанностей (идентичностей) – профессиональной (воинской) и земляческо-этнической (уральско-нагайбакской) – у Маметьева ощутим перевес последней, хотя он, как и многие его современники-соратники, высоко ценил воинский долг:

...убежден, что первую половину жизни прожил не напрасно, 26 лет прослужив в составе Вооруженных Сил и участвуя в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (*Маметьев* 1992: 86).

И все же он не считал воинскую службу своим жизненным призванием, отмечая послевоенную веху биографии:

Иногда у меня спрашивают, доволен ли я итогами прожитой жизни. Я обычно на этот вопрос отвечаю так: нет, не доволен. Война, которую навязали нашему народу, спутала все карты (*Маметьев* 1992: 54).

Во внутреннем диалоге этих идентичностей примечательно отношение к немцам, в то время носившим на себе клеймо заклятого врага. Маметьев характеризовал их как "талантливый, трудолюбивый, аккуратный и бережливый народ...". "Живя и общаясь с немцами, приобрел устойчивые навыки бережливости, обязательности, пунктуальности, чистоплотности и умение ценить уют и красоту" (*Маметьев* 1998: 76–77).

Немцы стали Маметьеву не врагами, а союзниками в его пристрастии к аккуратности и порядку. По детским воспоминаниям сына Валерия, в Германии он очень любил порядок. Он был шифровальщиком, это такая работа, что одна неправильная запятая – и ход войска может измениться.

Возвращение на Урал было для Маметьева отрезком траектории лидера, обозначенной А. Тойнби как "уход и возвращение" (withdrawal and return) (*Тойнби* 1991: 272–274). Согласно этому сценарию, он надолго (с угрозой невозвращения) покинул

родные края и набрался на чужбине разнообразного опыта в экстремальных условиях войны. Мечтая о возвращении, он хранил в сознании образ дома, переосмысляя его на фоне зарубежных впечатлений. Именно на чужбине он первоначально сконструировал идеальный образ своего народа. В то же время сам Маметьев в глазах сородичей приобрел авторитет обладателя особого опыта и знаний о дальних странах и других народах.

Партийная линия

Отслужив еще четыре года в штабах Магнитогорска и Перми, Маметьев подал рапорт об увольнении с воинской службы из-за проблем со здоровьем: “На протяжении 20 календарных лет, работая в шифровальных органах, основную нагрузку получал на мозг и зрение, в начале 1962 года почувствовал сильные головные боли и резкое ухудшение остроты зрения” (Маметьев 1998: 84). Однако давно задуманная отставка обернулась состоянием растерянности.

Итак, в 38 лет вступил в новый этап жизни. Теперь я не гвардии майор, а просто гражданин Маметьев. Буквально на второй же день почувствовал полный дискомфорт: оборвались нити, связывающие меня со службой, и как человек остался невостребованным. Остро ощутил роль труда в жизни человека, вспомнив слова Фридриха Энгельса о том, что труд создал человека (Маметьев 1998: 85).

Новую социальную жизнь “гражданин Маметьев” начал с того, что на родительском собрании 3а класса школы № 55, где учился его сын Валерий, согласился стать председателем родительского комитета. На этой более чем скромной позиции он сумел развернуть активную общественную деятельность: в 1963 г. был избран председателем общешкольного родительского комитета и тут же выступил инициатором создания “общественного совета”, объединившего в воспитательных целях родителей, учителей и домоуправления. Вскоре его инициатива удостоилась внимания горкомов комсомола и компартии.

Осенью того же года он стал парторгом и инспектором по кадрам Магнитогорского участка “Уралэнергомонтаж”, а в 1964 г. — «инструктором отдела пропаганды и агитации по координации работы партийных организаций треста “Магнитострой” и культурно-просветительских учреждений города». Всерьез настроившись на карьеру и работу в “партийном штабе легендарной Магнитки, которую с любовью называют стальным сердцем Родины”, Маметьев в 1966 г. поступил и в 1971 г. окончил Заочную Высшую партийную школу при ЦК КПСС в Москве. В 1967 г. он стал помощником первого секретаря горкома КПСС и проработал в горкоме Магнитогорска десять лет (Маметьев 1998: 87).

В июле 1977 г. биографический круг замкнулся — Маметьев перешел на пост секретаря Нагайбакского райкома партии по идеологии и переехал в Фершампенуаз. Партийное руководство Челябинской области, рекомендовавшее его на должность “районного идеолога”, имело в виду его опыт работы в Магнитогорске, а также то обстоятельство, что он — “уроженец Нагайбакского района, хорошо знающий историю, культуру и традиции нагайбаков”, не забывший “свой родной язык” (Маметьев 1998: 97). Маметьев направлялся в родное село в приподнятом настроении, оттягивая в мемуарах значимость этого события той же “риторикой родства”, которая сопровождала его возвращение из-за границы:

Фершампенуаз дорог мне еще потому, что здесь мои корни врастают в святую землю на протяжении более 150 лет, став родиной 9 поколений династии Маметьевых. Наконец, Фершампенуаз притягивает к себе тем, что здесь на местном кладбище

покоятся останки моих предков. На Фершампенуазской земле я родился, здесь прошли детство, отрочество, а когда началась Великая Отечественная война, покинул свою малую родину и как “блудный сын” вернулся через 35 лет. Теперь, видимо, не расстанусь с ним до конца своей жизни. Придет время и мой прах смешается с землей моих предков (*Маметьев* 1998: 58).

Земляки приняли Маметьева “как родного”, и будни руководства смешались в его жизни с праздниками родства. Однако семь лет партийной деятельности в родном селе не принесли ожидаемого удовлетворения. Он искренне служил КПСС и оценивал все происходящее в соответствии с “линией партии”, поэтому в его характеристиках сослуживцев главным критерием выступает партийный профессионализм (относительно недавно окончивший высшую партшколу, он раздавал оценки со свойственной неопиту категоричностью). Особенно его раздражала фигура первого секретаря горкома Г.А. Габитова, его непосредственного начальника, по базовой специальности “инженера-механика”, который “партийного образования не имел, основами партийно-политической работы владел слабо”. На языке того времени это была уничтожающая характеристика. В позиции Г.А. Габитова он видел подмену партийного лидерства хозяйственным: “Габитов – не первый секретарь райкома КПСС, а главный директор Нагайбакского района”. По мнению Маметьева, подобная подмена функций привела позднее к “безропотной капитуляции 20-миллионной армии коммунистов перед перевертышами Ельцина” (*Маметьев* 1998: 98, 99).

В общении с родными Маметьев не скрывал, что работу в родном районе и селе ему испортил конфликт с первым секретарем. По одной версии, каплей, переполнившей чашу, стал случай использования его служебной машины женой первого секретаря (которая к тому же “вмешивалась” в партийные дела мужа и отличалась излишней словоохотливостью) (ПМА 2014). Маметьев “положил заявление на стол первого секретаря со словами “я с вами больше работать не намерен”“. Затем, уже в семейном кругу, высказался по этому поводу с несвойственной ему грубостью: “Я с такими засранцами никогда не работал!” (ПМА 2015).

По другой версии, Маметьев был снят с должности секретаря по идеологии за допущение “идеологической диверсии”. Однажды мемориальный барельеф первого директора совхоза “Нагайбакский” Ф.С. Захарова был осквернен не то выстрелами из “пугача” (обреза), не то ударами молотка. Стараниями Г.А. Габитова было открыто уголовное дело, виновного не нашли, а ответственность переложили на Маметьева.

В годы советского интернационализма нагайбак (формально татарин) Маметьев не мог себе позволить толкование конфликта с татаринном Габитовым на почве этничности. Однако это обстоятельство не могло не сказаться на его последующих действиях, ставших своего рода протестом против засилья “чужих” во имя самоутверждения “своих”.

Второй раз в жизни Маметьев в 1984 г. подал в отставку “по состоянию здоровья” (первый раз он под этим предлогом ушел с военной службы): “При очередном прохождении профилактического осмотра врачебный консилиум вынес заключение, ввиду ишемической болезни сердца, атеросклеротического кардиосклероза рекомендуем приостановить активную трудовую деятельность”.

Музейный проект

60 лет – пора свершений, как показывает опыт дважды пенсионера Алексея Маметьева. В этом почтенном возрасте он начал очередную новую жизнь: первая – “воинская” – длилась 26 лет, вторая – “партийная” – 20, третья – (условно) “этническая” – еще 20. Уходя с поста партийного секретаря по идеологии, на вопрос “Теперь уедете

отсюда и вернетесь в Магнитогорск?” (у него там была квартира) он решительно возразил: “Я останусь здесь и буду создавать музей!”. Вынашиваемый со времен зарубежной службы замысел создания музея стал реальным планом.

Решаясь на новое для себя дело, Маметьев обратился к еще живым в то время родителям – “самым верным советникам”, которые отнеслись к затее одобрительно, но настороженно: “Сынок, заявляя об открытии музея, ты взваливаешь на свои плечи огромную ответственность перед земляками, да к тому же ставишь на карту свою честь и честь династии Маметьевых”. Вскоре проект “музея на общественных началах” был представлен руководству района. Бюро райкома КПСС и исполком районного совета “одобрили представленные предложения и приняли совместное решение о создании районного историко-краеведческого музея с. Фершампенуаз” (Маметьев 1998: 101).

Музей рос не по дням, а по часам. Всего через год, в апреле 1985 г., “работы были завершены, музей был полностью готов к открытию”. Скорость его строительства поражала очевидцев, а руководитель районного отдела культуры (и единомышленница Маметьева) Раиса Сидорина прибегала к сравнению:

Нужно вспомнить Михаила Светлова, который говорил: “Я написал “Гренаду” за 15 минут плюс вся моя жизнь”. Так же и с Маметьевым. Музей он сделал за один год плюс вся его жизнь (ПМА 2015).

По замыслу это был краеведческий музей, а по факту – этнографический (нагайбакский). По воспоминаниям Р.А. Сидориной, “тогда в 1985 году был задан вектор: все увидели, что есть память, все увидели историю нагайбаков и впервые заговорили об этой истории!” (ПМА 2015).

Опыт Маметьева увлек соплеменников: четыре года спустя, 28 октября 1989 г., в старинном казачьем доме в центре с. Париж открылся Музей истории села, 25 мая 1995 г. – Остроленский историко-краеведческий музей, 10 декабря 2006 г. (уже после смерти Маметьева) – Кассельский музей национальных культур. По замечанию Р.А. Сидориной, “все музеи шли из народа, потому что видели образец в с. Фершампенуаз”. Ей же принадлежит другое примечательное наблюдение: “Музей – это было начало – для того чтобы там звучали песни, был фольклор. Ведь песня на голых стенах не слушается, поэтому нужно было создавать пространство” (ПМА 2015). При музеях собирались фольклорные ансамбли, и автором идеи создания народных коллективов был опять-таки Маметьев: в 1986 г. сложился фольклорный коллектив “Чишмелек” в с. Париж, в 1989 г. – “Сак сок” в с. Фершампенуаз и “Сарашлы” в пос. Остроленский.

Маметьев никогда прежде не ощущал такого социального эффекта от своих инициатив, как в музейно-фольклорной практике. Это придавало решимости его дальнейшим шагам: следующим проектом Маметьева стало создание картинной галереи, наподобие заграничных. В отличие от доброй воли при создании историко-краеведческого музея, на этот раз руководство района отнеслось к идее прохладно. И все же сельская картинная галерея была создана, вызвав, правда, немало пересудов (на фоне кризиса 1990-х годов): по воспоминаниям Р.А. Сидориной, “началось резкое непонимание, некоторые говорили: “Что вы с этими музеями!..” Тогда в газете вышла статья, что, мол, в районе нет колбасного цеха, а дом, который как будто предназначался под этот цех, забрали для картинной галереи”. Сын Маметьева рассказывал, что в то время над отцом смеялись: “Что этот дед с музеями выдумал?!”. Многие припомнили, что Маметьев – вообще-то “чужой” и большую часть жизни прожил вне родины (ПМА 2015).

Между тем посеянные музеем семена уже давали всходы. В 1990 г. по инициативе директора школы пос. Остроленский В.И. Айбулатовой в курс обязательных предметов был включен язык нагайбаков. З.А. Гайсина совместно с жителями поселка составляла методику преподавания родного языка, комментируя ход дела в местной газете: “Люди уже знают, что я собираю, и даже бывает, на улице встретят, останавливают, рассказывают” (Копылова 1994: 6). Проект разрастался, охватывая все большее число участников. В 1992 г. житель с. Фершампенуаз Михаил Прокопьев написал “Марш Нагайбаков”, который по сей день считается “народным гимном”, и сочинил ставшее популярным стихотворение, содержащее строку: “Я не турок, не татарин, а простой я нагайбак”.

Маметьев разворачивал внешние контакты, используя, с одной стороны, статус Фершампенуазского музея, с другой – свой опыт дипломатической переписки. Ему не составило труда, при поддержке Сидориной, наладить связи с зарубежными музеями в городах Кассель (Германия), Остролека (Польша) и Фер-Шампенуаз (Франция) с целью, как он пояснял, сбора сведений об истории нагайбаков и славных походах их предков. Переписка с директором Эрмитажа на тему пушкинских поездок по местам походов Пугачева сопровождалась многозначительным даром со стороны академика Б.Б. Пиотровского – репродукции картины Б.П. Виллевалде “Битва под Фершампенуазом” (1842). Идея краеведческого музея постепенно перерастала саму себя, создавая основу для широкого диапазона международных контактов и этностроительства нагайбаков.

Статус народа

Интерес к истории нарастал у Маметьева по мере убеждения в самобытности нагайбаков. По словам сына Валерия, “отцу не нравилось, что в паспортах было написано, что мы татары, поэтому он начал изучать различную литературу, ездил в архив, чтобы доказать обратное”. В 1990 г. активисты-нагайбаки во главе с Маметьевым собирали сходы в Фершампенуазе, Париже, Остроленке, Касселе, на которых обсуждали вопрос, стоит ли нагайбакам претендовать на статус независимого народа. Число сторонников Маметьева росло, хотя были и сомнения, как отмечает В. Леонтьева:

Многие считали его фантазером, даже я в какой-то период времени думала, зачем выпячивать “нагайбаки-нагайбаки”? Жили и живем. Ничего такого. А на него повлияла жизнь за границей. Всем вообще тогда казалось, что мы шли к советскому народу, поэтому нагайбаки – даже как-то неудобно. Не чувствовалось, что мы сохранили что-то свое (ПМА 2015).

В январе 1991 г. Маметьев составил от имени нагайбаков письмо, подписанное председателем Нагайбакского Совета народных депутатов В.В. Айбулатовым и направленное председателю Совета национальностей Верховного Совета СССР Р.Н. Нишанову. В нем были строки:

Несмотря на все трудности, выпавшие на их долю, нагайбаки (кряшены) выстояли, сумели сохранить себя как этническая группа, свою историю, культуру и быт.

По просьбе нагайбаков, являющихся частью кряшенской этнической группы, проживающих на территории Нагайбакского района Челябинской области от лица районного Совета народных депутатов обращаемся к Совету национальностей с убедительной просьбой о законном признании нагайбаков как этнографической группы. Положительное решение Советом национальностей нашей просьбы на демократической основе будет воспринято как гуманный акт защиты интересов малых народов нашей великой многонациональной Родины (ДФ НРИКМ).

Как видно, изначально Маметьев и его единомышленники не дерзали идти дальше просьбы признать их “этнографической группой” или “частью кряшенской этнической группы”. Кроме того, в смутное время не было надежды на какой-либо ответ вообще. Однако через полгода, в начале июля 1991 г., из Совета Национальностей в исполком Нагайбакского районного совета пришло извещение: “В связи с обращением о признании нагайбаков в качестве самостоятельной этнографической группы по поручению Председателя Совета Национальностей тов. Нишанова Р.Н. был сделан запрос в Институт этнографии, заключение которого Вами получено” (ДФ НРИКМ). В экспертном заключении за подписью директора Института этнологии и антропологии АН СССР В.А. Тишкова от 29 марта 1991 г. отмечалось, что “определение своей национальной принадлежности должно быть делом самих людей, а не каких-либо государственных органов”:

Они [нагайбаки] безусловно имеют право именоваться так, как считают нужным, независимо от особенностей происхождения этой группы и ее положения в системе тюркских народов СССР. Право народов, этнических меньшинств на самоопределение – это прежде всего их право на существование и самоидентификацию в качестве особых общностей (ДФ НРИКМ).

Экспертное заключение не только удовлетворило Маметьева, но и вдохновило на дальнейшие действия: дипломатическое чутье подсказывало ему, что настал момент решительного действия. Одним письмом, от музея, он выразил признательность В.А. Тишкову за экспертное заключение: “Ваше письмо для нас, работников музея, ценнейшая информация, за что выражаем Вам искреннюю благодарность” (ДФ НРИКМ). Другое письмо, от райсовета народных депутатов, он направил в Совет Национальностей “с просьбой дать официальный ответ по сути нашего письма”. При этом переписка по “нагайбакскому вопросу”, обсуждаемому уже на уровне руководства страны, велась в изысканных тонах профессионального делопроизводства.

В сентябре 1993 г. Маметьев оказался в качестве представителя нагайбаков на проходившей в Москве международной конференции по проблемам коренных малочисленных народов. Во время конференции к нему обратился Председатель Совета Национальностей Верховного Совета РФ Р.Г. Абдулатипов.

По собственной инициативе пригласил меня на беседу Рамазан Абдулатипов и поинтересовался, как живут и трудятся нагайбаки. [Он сообщил, что] Верховный Совет Российской Федерации рассмотрел просьбу нагайбаков и принял Закон, по которому вашему народу определен статус малого коренного народа. В конце встречи с дарственной надписью подарил свою книгу о борьбе малых народов за свое существование (Маметьев 1998: 121).

Закон “о гарантиях прав коренных малочисленных народов” был принят Верховным Советом РФ еще 18 июня 1993 г., и к нему прилагался список народов, среди которых значились нагайбаки. Новость, которую Маметьев привез с конференции, была принята нагайбаками как национальная победа; в местной газете “Всходы” вышла статья под названием “Нагайбаки признаны законом” (Ишимова 1993: 3). В неформальных беседах Маметьев отмечал, что Абдулатипов сыграл решающую роль в деле включения нагайбаков в перечень коренных малочисленных народов.

Полному триумфу мешала одна деталь: указ о едином перечне коренных малочисленных народов был принят правительством, но не подписан президентом и, таким образом, не ратифицирован. В течение шести лет, с 1993 по 1999 гг., вплоть до окончательного варианта списка народов и вступления в силу закона о коренных

малочисленных народах, по выражению Р.А. Сидориной, “происходила борьба за нагайбаков”:

Когда, наконец, подписали закон, я подумала: “Какое счастье!” Заглядываю в него, ищу приложение, а перечня там нет. Я звоню в Москву, спрашиваю, почему нет? Женщина по телефону сказала, что год дан, чтобы каждый народ еще раз доказал и убедил правительство в том, что он коренной. И эта женщина тихонько добавляет, что “Нишанов по нагайбакам лично курирует, но Абдулатипов вам помогает”. Тот год мы были в ожидании, что будет. Наконец, звонят однажды из министерства: “Перечень опубликован, нагайбаки есть!” (ПМА 2014).

Многие в Нагайбакском районе до сих пор с благодарностью называют имя Рамазана Абдулатипова, например, в выражении: “нам помог добрый дух этого человека”. Со временем легендарная встреча Абдулатипова и Маметьева на сентябрьской конференции 1993 г. стала обрастать историями об их дружбе. По версии сына Валерия, “отец ночевал у Абдулатипова дома в Москве”. Е. Исаева убеждена, что “Маметьев много раз заходил к Абдулатипову”. По мнению брата Маметьева Григория, мотивом поддержки нагайбаков со стороны Абдулатипова была его аварская идентичность и солидарность в отношении малых народов. Со своей стороны нагайбаки чтят Р. Абдулатипова за статус своего народа, а некоторые считают его “своим” и относят к разряду “родни” *туган* (ПМА 2014–2015).

Новость о наделении нагайбаков статусом коренного малочисленного народа вызвала своего рода этно-бум. Жители района принялись менять паспорта, вписывая в графу “национальность” разрешенное отныне название “нагайбак”/“нагайбачка”. На долю 70-летнего Маметьева выпал миг признания и славы. По воспоминаниям его племянницы Надежды Фирсовой, “к нему на улице подходили, и даже нам говорили: передайте своему дяде, Алексею Михайловичу, что он нас нагайбаками сделал. Благодаря ему мы стали теми, кто мы есть” (ПМА 2015). Валентина Арапова была в зале, когда “Маметьев на сцене выступал, говорил, что мы дождались, и теперь нас не будут называть и писать татарами. Когда Маметьев это сказал — все встали и захлопали” (ПМА 2012).

Возвращение этничности происходило буквально на глазах. В 1997 г. Маметьев сопровождал ансамбль “Сарашлы” в фестивальном туре по Волге. Участница ансамбля Евдокия Исаева вспоминает: “Раньше я ничего не чувствовала. Вроде татарка и татарка. Он [Маметьев] стал говорить про нагайбаков, что мы уникальные. Тогда во мне стало восходить, что мы малая народность, что мы отдельный народ”. По ее словам, в городах, где проходили гастролы, нагайбаки удостаивались пристального внимания: “Каждый корреспондент старался к нам подойти, каждый ученый, тогда я почувствовала всем телом, каждым органом, что я *нагайбачка*, я *кердешен*, я могу гордиться своим народом”. По словам Тамары Бургучевой, “с 1993 года лед тронулся в плане нагайбаков: появилось самосознание, что мы такой самобытный народ, такая интересная культура, что нас очень мало. Вероятно, этот всплеск произошел из-за такой яркой личности, как Маметьев” (ПМА 2014).

В дополнение к чувствам и ощущениям администраторам Нагайбакского района, прежде всего главе района Каирбеку Сеилову (этническому казаху) и руководителю отдела культуры Раисе Сидориной (этнической русской), удалось добиться некоторых, пусть и незначительных, привилегий для новоиспеченного коренного народа. Например, Сидорина заключила несколько договоров с вузами Челябинской области о льготах на прием абитуриентов из числа нагайбаков. Вскоре на особых условиях стали поступать в областные вузы не только нагайбаки, но и все выпускники Нагайбакского района. Сидорина вспоминает:

Мне удалось многих устроить в институты. Я делала так: ксерокопировала указ и перечень КМН [коренных малочисленных народов], писала письмо на имя ректора и – вперед. Поступали в Челябинскую государственную академию культуры и искусств, на исторический факультет МаГУ, учились на худграфе. Мы были первые коренные малочисленные в Челябинской области, кто сумел так проникнуть в вузы (ПМА 2014).

По мнению Р.А. Сидориной, включение нагайбаков в перечень КМН объясняется стремлением центральной власти “ослабить усиление татарской элиты”. Выдвижение “нагайбакского вопроса” в противовес идеологеме татарско-мусульманского всеединства действительно выглядит наиболее вероятным мотивом в репертуаре федеральной этноконфессиональной политики 1990-х годов. Нынешний лидер этнонационального движения нагайбаков А. Тептеев предположил, что татарские политики попросту проглядели инициативу нагайбаков: “Ну, написал там кто-то письмо и что? Хорошо, что оно осталось незамеченным, если бы оно было громким, нас бы прихлопнули”. Татары в тот момент “были другими делами заняты”, в частности их больше волновала активизация волжских кряшен (ПМА 2012).

Со временем особый этнический статус нагайбаков стал расцениваться как достижение в борьбе за этнические права, и сложилось выражение “нагайбаки добились права называться отдельным народом”. Одной из арен этой борьбы была наука, и первым получившим широкую огласку ее эпизодом стала защита кандидатской диссертации Р.А. Иمامеевой на тему “Многоголосие в татарской народной и профессиональной музыке: на материале песенной культуры нагайбаков – южноуральских татар-кряшен и произведений татарских композиторов 60–70 гг.” Первые в научном труде нагайбаки фигурировали как отдельный народ, и, хотя диссертация была представлена на соискание ученой степени кандидата искусствоведения, а не исторических или политических наук, общественный резонанс был впечатляющим. По сведениям Сидориной, диссертацию “не разрешили защищать в Казани” из-за “разных взглядов на идентичность нагайбаков”. Иمامеева представила ее в диссертационный совет Магнитогорской государственной консерватории, и Сидориной довелось присутствовать на ее защите в 1997 г.:

Когда защищалась Иمامеева, в комиссии была заслуженная артистка из Казани Валиахметова. В какой-то момент она вдруг заявила: “Какие нагайбаки? Это же татары!” И как расхохочется. А у нее такой смех, такие зубы – прямо концерт бесплатный. И тут гробовая тишина. Некоторые поворачиваются в мою сторону. Чувствую, пришло мое время. И я с гордостью заявляю: “Может, и были татарами, да только до 1993 года. А теперь постановлением № 255 нагайбаки признаны коренным малочисленным народом” (ПМА 2014).

Вскоре Раисе Сидориной довелось выдержать напор самого Президента Татарстана Минтимера Шаймиева, причем на его территории – в ходе фестиваля Питрау в Мамадышском районе республики Татарстан, куда она сопровождала делегацию нагайбаков.

Нас заранее предупредили, что к нагайбакам подойдет Президент. Когда он появился, я представилась и начала рассказ о нашей родине, о нас. За основу взяла указ, что нагайбаки включены в перечень, ведь язык указа – это не какой-то эмоциональный всплеск. Говорю, что нагайбаки – воинское племя. Шаймиев меня ни разу не перебил, но я понимала, что он меня не чувствует. А вокруг нас еще стоит его окружение, там же такое уважение к руководству, никто чихнуть не смеет. Когда я закончила рассказ, он сказал: “Спасибо, у меня есть вопрос, вот на Урале живут уральцы, почему Вы не требуете, чтобы Вас называли уральцами? Почему вы говорите на татарском

языке, но не называете себя татарами?” Он сказал это с обидой. Я ответила, что “уральцы и сибиряки идентифицируют себя с русскими, а если говорить о нагайбаках, то у них глубинная идентификация себя не с татарами, а с нагайбаками” (ПМА 2014).

Осмысляя успех в приобретении статуса самостоятельного народа, многие нагайбаки отмечают исключительную роль Маметьева, который сумел “все сделать в нужное время, в нужный час”. Это самый яркий и успешный проект Маметьева, хотя в своих воспоминаниях он обходит его молчанием — не то из деликатности, не то из суеверия. Главным своим достижением он по-прежнему считал музей и был в этом по существу прав: законы хранятся не так бережно, как культурное достояние и самосознание. С годами музейная деятельность Маметьева все отчетливее фокусировалась на нагайбаках. На конференции “Музей XXI века” он утверждал: “Основная концепция развития нашего музея состоит в том, чтобы сохранить и дальше развивать историю, культуру, обычаи и жизненный уклад малочисленного коренного народа нагайбаков, компактно проживающих в Нагайбакском районе Челябинской области”. В последние годы Маметьев посвящал себя поиску сведений о нагайбаках, репрессированных в 1930-е гг. и павших в Великой Отечественной войне. Складывалось ощущение, что в предчувствии кончины он стремился связать как можно больше нитей, соединяющих разные поколения нагайбаков. В мемуарах он писал: “Как бы далеко ни находился человек от родных мест, к концу жизни стремится вернуться к могилам своих предков” (*Маметьев* 1998: 79). Из того, что он не успел сделать, остался замысел “облагородить” кладбище села Фершампенуаз:

Он хотел сделать колокольню, построить место, куда можно положить инвентарь, вести учет умерших, а то у нас приезжают на кладбище и не знают, кто где похоронен. Жаль, что у него это не получилось. Кладбище для него было самым святым местом (ПМА 2015).

В течение 20 лет вплоть до своей смерти Алексей Маметьев оставался директором музея, который впоследствии был назван его именем. По словам близких, он остался в музее и посмертно — на прощание его гроб принесли именно туда.

После Маметьева

Ныне некоторые родственники Маметьева сожалеют, что иногда тяготились его долгими рассказами: “Вот бы сейчас его послушать! А раньше думали, ой, сколько он говорит, когда же замолчит?!”. Для многих, в том числе родственников, он был неудобен своей дотошностью, когда, например, после очередной встречи родни каждому выставлял “оценку за поведение”. Надежда Фирсова вспоминает: «Он своей сестре Ане (моей маме) всегда пятерки ставил, а другой сестре говорил: “Настя, тебе сегодня два. Опять много материлась”» (ПМА 2015).

Его внимание к родне, усопшей и живущей, впечатляло скрупулезностью. К началу 1992 г. Маметьев составил родословную под названием “Путь династии Маметьевых”, где он написал: “в феврале 1992 года исполняется 150 лет с того момента, когда весной 1842 года мои предки, казаки Нагайбакской крепости Оренбургского казачьего войска были переселены во вновь образованный казачий поселок Фершампенуаз” (Маметьев 1992: 2). Повесть о династии, которая “с 1842 по 1998 год, то есть за 156 лет... достигла десятого поколения” (*Маметьев* 1998: 53), служила, помимо прочего, подтверждением укоренения казаков-нагайбаков на Урале.

Радея о будущем рода, Маметьев порой утруждал себя подбором “удачных пар” для родственников. Его племянница Надежда Фирсова описала “ссору с дядей Лешей” из-за того, что он вменял ей жениха нагайбака:

Я тогда дружила со своим будущим мужем, русским. Дядю Лешу это не устраивало, и он нашел мне кандидата в женихи нагайбака. Тот был с хорошим образованием, учился в аспирантуре. Я помню, мы собрались с родителями, дядя Леша нас представил и оставил вдвоем, чтобы мы поговорили. Затем один раз сходили в кино. Как-то он пришел с цветами ко мне в общежитие в Магнитогорске, но я ему сказала, что у меня есть друг. Как только дядя Леша об этом узнал, он меня позвал к себе и начал сравнивать моего друга и того парня. Начертил две колонки и ставил им “плюсики”: у того парня образование было лучше — за это “плюсик”, должность выше — и за это “плюсик”, а главное он был нагайбаком. В итоге у него были все “плюсики”, а моего друга только один за то, что он был спортсменом. Долго мы с дядей Лешей спорили, в конце концов полгода не ходили друг другу в гости (ПМА 2014).

При жизни Маметьев иногда подвергался критике и насмешкам за одержимость нагайбакской идеей. Инициированная им “нагайбакомания” была не только предметом нападок со стороны, но и поводом для самоиронии среди самих нагайбаков, допускающих шутки относительно собственных этнических качеств (главным образом в своей среде). Лет через десять после его смерти голоса соперников и завистников стихли и растворились в окрепшем почитании “отца народа” — сегодня недоброжелательное высказывание об Алексее Маметьеве сочтут за дурной тон.

В свое время Маметьев не слишком заботился о дополнении статуса коренного народа реальными льготами. К середине 2000-х годов среди нагайбаков появились активисты с новыми представлениями о правах и льготах. Например, А. Тептеев полагает, что многие нагайбаки остались равнодушными к статусу коренного малочисленного народа, потому что он ничем не подкреплен: “результата особого нет, нет никакой выгоды, ничего”. Пыл активистов охладил губернатор Челябинской области П.И. Сумин, который в ответ на попытку главы района Сеилова завести речь о льготах для нагайбаков заявил: “Чукчи Челябинской области не нужны” (ПМА 2014). Со временем эйфория по поводу приобретения статуса уступила место недовольству из-за отсутствия льгот.

Через год после смерти Маметьева, 2 августа 2006 г., на районной конференции жителей Нагайбакского района было создано общественное движение (ОД) “Нагайбаки”. Его инициаторы обратились с письмом к областной и федеральной власти по поводу “пользования правами коренного малочисленного народа нагайбаков”. В письме губернатору Челябинской области звучало требование: “Мы, делегаты ОД “Нагайбаки”, считаем, что никто не имеет права лишать нагайбаков земельных паев, что это противозаконный акт. Земля им была передана в собственность при царе как потомственным казакам в виде земельного надела, что было доказано нагайбаками 100 раз в истории” (Нагайбакский этнос 2012: 106–107). Обращение к генеральному прокурору страны Ю.Я. Чайке содержало строки:

Уважаемый Юрий Яковлевич!!!... Наши обращения в Законодательное собрание Челябинской области в ответах заканчивались обычно словами бывшего губернатора П.И. Сумина: “Нам в области “чукчи” не нужны” ... Юрий Яковлевич, можете не отвечать на это послание, что делают Президент и Премьер: уже висят на их сайтах письма такого содержания, а ответа нет 3–4 месяца... Мы надеемся получить от вас ответ, ибо оставшиеся в стране элементы демократии позволяют нам обращаться дальше в Конституционный суд, Страсбург и т.д. — международным диаспорам, которых так много за “кордоном” (Нагайбакский этнос 2012: 111–115).

В письме депутату Государственной Думы А.А. Морозову от 20 августа 2010 г. П. Минеев писал: “До выборов вы сулите золотые горы, после показываете фигу. Народ для вас так и остался быдлом” (Нагайбакский этнос 2012: 133–135).

Эти и другие обращения нагайбакских активистов к власти отличаются от этнодипломатии Маметьева двумя характеристиками: во-первых, в их тоне и риторике былая благожелательность и элегантность сменилась выпадами и угрозами; во-вторых, прежде упор делался на достижения и потенциал самих нагайбаков, а ныне требования сводятся к привилегиям, так или иначе ущемляющим права соседних (русских, казахов и др.) народов. Движение попало в патовую ситуацию, когда конкретные действия заявлены, но не осуществлены и едва ли осуществимы. Местные жители относятся к ОД “Нагайбаки” не без иронии: “У нас есть инициативная группа в районе, которая периодически собирается на время выборов и начинает бить себя в грудь кулаком, что мы нагайбаки, что ничего для нас не делается” (ПМА 2011). Сегодня жар дискуссий о льготах заметно спал: согласно анкетированию, на вопрос “Какие права коренных народов нарушаются?”, 62,4% нагайбаков ответили: “никакие”; при этом 63,7% считают, что статус коренного малочисленного народа “не дает им льгот” (ПМА 2012).

Еще одним проявлением особого статуса стало желание видеть на посту главы района этнического нагайбака. В 2005 г. главой Нагайбакского района был впервые избран коренной нагайбак В.И. Федоров, который, однако, ожиданий не оправдал, и в 2010 г. этот пост вновь занял казах К.Х. Сеилов. На последних выборах 2015 г. победу одержал нагайбак из Остроленки В.А. Гайсин, в прошлом главврач районной больницы.

Признание нагайбаков самостоятельным народом изменило их отношение к этничности: вместо стеснения и неудобства национальная принадлежность стала предметом гордости. Жительница пос. Остроленский полагает, что теперь “отличительная черта нагайбаков – гордость”. Согласно анкетированию на вопрос “Чем для Вас является Ваша национальность?” 65% нагайбаков (самый высокий показатель среди опрошенных народов Урала) ответили: “предмет гордости” (ПМА 2012).

* * *

Еще три века назад нагайбаков не было, а сегодня они стали одним из самых этнически выразительных народов Урала. Их пример показывает, что народ отнюдь не обязательно должен иметь археологические корни; он может сложиться, испытать спады и подъемы мобилизации, претерпеть резкие сдвиги и медленные дрейфы этничности. На протяжении трех веков этничность нагайбаков представляла собой состояние и осознание солидарности и безопасности, общности испытаний и интересов, а также закрытости от чуждых влияний и претензий.

Лучше других момент для мобилизации этничности нагайбаков (в ту пору части татар) уловил уральский казак-нагайбак в десятом поколении Алексей Маметьев, прошедший четверть века на воинской службе (в том числе на фронте и за границей). В его характере сочетались упорство и аккуратность, умение стратегически мыслить и вести деловую переписку. Его можно назвать этнодипломатом, тонко выбиравшим место, время, цель и тон действия. Во многом благодаря его персональным усилиям и способностям нагайбаки добились впечатляющих успехов в народостроительстве.

Откуда у самого Алексея Маметьева, рожденного “советским человеком”, воевавшего и полжизни отдавшего за “дело партии”, взялись мотивы народостроительства, а также – в пенсионном возрасте – силы для их реализации?

По словам Р.А. Сидориной, одним из мотивов действий Маметьева “стало то, что он, будучи нагайбакским мальчиком, не только увидел, но и вобрал в себя мировую культуру; ему было обидно за Россию и в частности за свой народ” (ПМА 2015). К этому можно добавить сосредоточенный в нем мощный, характерно нагайбакский, потенциал родства, генерировавший общность ближнего (родственного) и дальнего (этнического) кругов. Именно через родство запускались и распространялись инициативы Маметьева.

Были и другие обстоятельства, подвигнувшие Маметьева на решительные действия. Из трех прожитых им “жизней” – военной, партийной и этнической – в двух первых он пребывал закрыто, сдержанно, экономно (в психологии “интровертно”), будто берег себя для последующего рывка. Возможно, он так и ушел бы на пенсионный покой, если бы в тот момент судьба в лице партийного руководителя Нагайбакского района не нанесла ему болезненного удара, да еще и пережитого внутренне (на эмоционально-этническом уровне) как поражение нагайбака в схватке с татаринном. 60-летний казак пошел на реванш – через мобилизацию этничности, поставив на кон честь династии, поражая окружающих творческой энергией и невероятными темпами строительства музея. Он одержал верх, при этом неожиданно “экстравертно” открывшись и превратившись из партийца-неудачника в народостроителя-победителя.

Ключ к нагайбакскому этностроительству оказался в руках 60-летнего Маметьева, а залогом общего успеха стало совпадение динамики и направленности социального состояния народа и персонального настроения лидера. Его жизнь, как и жизнь его народа в XX в., прошла по большей части подавленно интровертно, а в конце выплеснулась в бурную экстравертность. В своих воспоминаниях Маметьев писал о неудовлетворенности своей судьбой из-за “навязанной” ему военной карьеры, долгой жизни за пределами родины, вынужденного ухода на пенсию с партийной службы из-за разлада с руководством. Это синхронизировалось с неудовлетворенностью судьбой своего рода и народа. Персональный реванш Маметьева вошел в резонанс с социальным реваншем нагайбаков. Его личная самореализация состоялась через этническую мобилизацию на поприще народостроительства.